

Юрий Андреевич Адрианов – выдающийся русский поэт, прозаик, публицист, краевед – сам объединял эти свои ипостаси емким словом «литератор». Автор сорока с лишним книг, многочисленных публикаций в периодике, он всей жизнью и творчеством принадлежит к числу замечательных людей земли нижегородской.

Юрий Адрианов родился 18 июня 1939 года, за два года до начала Великой Отечественной войны, его детская память, как он сам признавался, почти не запечатлела образ отца – Андрея Васильевича, ушедшего на фронт и пропавшего без вести во время обороны Крыма в осажденном врагом Севастополе. Самым дорогим, что осталось от отца, были его фронтовые письма, в которых есть прямые обращения к маленькому сыну. И всю жизнь Юрий Адрианов в стихах и прозе вел диалог с не вернувшимся с войны младшим лейтенантом морской пехоты. Отец продолжал жить рядом с сыном, вместе с сыном. Безусловно, особая заслуга в этом принадлежала Юриной маме Екатерине Ивановне, которая так организовала семейный быт, что в нем всегда ощущалось присутствие третьего – главного члена семьи – отца. У Юры никогда не было чувства безотцовщины, просто было долгое отцовское отсутствие, в первые послевоенные годы перемежавшееся даже с потаенной надеждой на счастливое возвращение: ведь не было получено похоронки!

Юрий всегда гордился своей причастностью к старому нижегородскому (впрочем, не только нижегородскому!) роду Адриановых, он ощущал близкими себе людьми и пращура-священника, который повел за собой солдат на Бородинском поле, и генерала, бывшего одно время градоначальником Москвы, и славного железнодорожника, проложившего пути через сибирскую тайгу, в честь которого там доныне станция зовется Адриановкой, Юрий по праву гордился дедом – Василием Васильевичем Адриановым, замечательным математиком, одним из основателей первого в России Нижегородского астрономического общества и председателем ученого совета, учредившего в Нижнем Новгороде в 1916 году Народный университет, и братом деда, создателем армейского компаса Адрианова и автором рисунка герба Советского Союза. Это брат его отца Николай Васильевич Адрианов стал разработчиком поистине ошеломляющего проекта, благодаря которому в Горьком в 1941 году по трамвайным рельсам через Окский мост и потом по Советской улице ночами двигались воинские эшелоны с сибирскими дивизиями с Ромодановского вокзала на Московский вокзал и дальше на вырубку к Москве.

Это все формировало характер Юрия Адрианова, его мироощущение и мировоззрение, его место в жизни. Все это он коротко уместил в два слова «Нижегородская отчина». Так он поименовал свою главную книгу, над которой работал всю жизнь.

Первые публикации его стихов приходятся на последний год учебы школе и студенческую пору времен «оттепели» (1957–1962). Он учится на историко-филологическом факультете Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, участвует в уборке целинного урожая на Алтае, в фольклорных студенческих экспедициях по всему Поволжью.

Юрий Адрианов много ездил по родной стране, побывал в Англии, ГДР, Венгрии, по путевкам ЦК ВЛКСМ участвовал во всесоюзных и международных фестивалях поэзии, и встречи в пути воплощались в стихи и прозу. До сих пор добытчики апатита на Кольском полуострове, геологи Камчатки, рыбаки Байкала поют написанные Адриановым песни, даже не зная имени их автора.

Адрианов обладал и незаурядным талантом художника. Где мы только не бывали вместе с Юрой – на уборке картошки или в фольклорной экспедиции в студенческие годы, а потом в журналистских командировках, поездках в Болдино или на отдыхе – с ним всегда был этюдник, и он всякий раз находил время, чтобы запечатлеть маслом на картонке или кусочке холста понравившийся ему природный уголок. Таких живописных работ сотни. И Юра охотно дарил их своим друзьям по поводу и без повода.

Юра любил при любой погоде сесть у окна в трамвае № 2 и делать круги по городскому кольцу. Город со своими улицами и переулками, старыми домами и новостройками шел к нему навстречу, проплывал за стеклом, а Юрий вглядывался в него, каждый раз – в разную пору дня, погоды и времени года, как художник, улавливал перемены в его облике, настроении, состоянии...

Потом, когда болезнь сделала его домоседом, эти трамвайные «круговерти» стали для него единственной возможностью жить в движении. Практически внутри трамвайного кольца был город, который он знал с детства, «бабушкин город», с которым он прощался, когда видел, как под тяжестью новостроек рушатся старые дома и выкорчевываются посаженные предками деревья...

В 60-е годы Юрий первым среди послевоенных молодых поэтов нашего края увидел и воспел краски хохломы (1958), это было еще до того, как Борис Корнилов вернулся из забвения. Адрианов удивился и поведал в стихах об Андрее Рублеве и его иконописи, почувствовал красоту и духовную силу старинных русских храмов («Над Нерлью коростели плачут...»). Это потом, уже вслед за Адриановым, эти темы стали широко употребляемыми в стихах и прозе его молодых товарищей по литературному цеху. Тогда же поэта укоряли в уходе от современности. Хотя он от нее никогда не уходил, даже тогда когда обращался к историческим сюжетам, и тогда, когда писал на сугубо политические, я бы даже сказал, на партийные темы, был искренен и высоко поэтичен («Мы в Шеффилде шли по шахте», «Я волгарь-доброволец»).

Достаточно вспомнить строки, написанные при прощании с XX веком:

Мы век начинали с «Варяга»,
Окончили «Курском» его...

По жизни вела его беззаветная любовь к дорогим с детства местам, к родному городу, которому, как он сам признавался друзьям, стоит служить и посвятить жизнь.

Нижний Новгород.
Сумерек влага.
И молчанье холодное вод...
Город тихо течет по оврагам,
Город сонно по склонам бредет...
Я – твой сын коренной, а не пришлый.
Вновь, как в детстве, иду не спеша:
Красоте твоей, батюшка Нижний,
Не устала дивиться душа!..

Он ушел от нас 12 августа 2005 года. Но его литературная биография на этом не завершилась. Его строки звучат так актуально, как будто они написаны в наши дни. И в них можно найти ответы на вопросы, которые задает наше время. Уверен, что общение с творчеством Юрия Адрианова будет длиться и длиться долгие годы.

В первой посмертной книге Юрия Адрианова «Душевные слова – не листопад», изданной к сороковому дню его кончины и составленной из стихотворений, посвященных друзьям, есть четверостишие, адресованное:

Смысл жизни – в сбирании памяти,
Смысл жизни – в храненье ее.
И если вы память утратите,
Бессмысленным станет житьё!

Собственно, этим мы, друзья Юры, сейчас и занимаемся – «сбиранием памяти» о нашем ушедшем товарище.

Письма Юриного отца Андрея Васильевича Адрианова с фронта впервые были опубликованы мной в книге «Полевая почта слова» по просьбе Юрия Андреевича. Книга вышла в московском издательстве «Воскресенье» в апреле 2005 года, в канун шестидесятилетия Победы,

и Юра ее читал и был благодарен за публикацию отцовских фронтовых строк.

Как-то во время работы над этой книгой я в разговоре с Юрой по телефону заметил, что за шестьдесят лет, прошедших с войны, эти пожелтевшие и выцветшие солдатские треугольники стали уже документами времени, не письмами, а письменами.

– Саша, отдай мне эти «письмена» для стихотворения! – попросил он. И буквально на следующий день позвонил и прочитал:

Свою Победу празднует страна,
И нынче так случилось,
Боже правый,
Что письма превратились в «письмена»
И тихие слова очнулись Славой.
Так значит подошел незримый год,
Уверенно, с державным безразличием:
Свершается незримый переход,
И факты наполняются величием.

Почти 50 лет жизни мы прожили с Юрой рядом, многое помнится, многое утрачено. Сохранились какие-то штрихи и детали к портрету друга. И я взялся запечатлеть их, пусть обрывочно, пусть сумбурно, но лучше так, чем никак. Я уверен, что имя Юрия Адрианова навсегда останется в русской поэзии. И, может быть, мои записки пригодятся тем, кто будет изучать его творчество и его биографию.

Андрей Васильевич Адрианов окончил Ленинградский водный институт с дипломом инженера-гидротехника. И, вернувшись в родной город, участвовал в проектировании и строительстве Горьковского речного порта на стрелке Волги и Оки. А когда началась война, то ему предложили выбор: ехать с семьей на жительство и на работу в Дудинку, опять же срочно проектировать и строить порт, который должен был сыграть важную стратегическую роль на севере Сибири в годы войны, или на фронт, в Действующую армию. Он предпочел фронт и был отправлен служить на крайний юг страны, на Черноморское побережье, где разворачивалось одно из самых жестоких и самых героических событий войны. В историю войдут два слова, его обозначивших, – оборона Севастополя!

Прошло всего лишь около месяца, как Андрей Васильевич Адрианов оказался в действующей армии, и Верховный главнокомандующий издал приказ: инженеров-гидротехников, в числе специалистов ряда других стратегических профессий, в армию не призывать из-за их необходимости в обеспечении особо важных для фронта работа в тылу. Но было уже поздно.

Когда читаешь письма Андрея Васильевича, вспоминающего родные места, понимаешь, откуда наследственная любовь к Волге и Оке у Юрия Андреевича, которому потом в отрочестве и в молодости довелось доплыть на веслах по Оке до Жайска, пройти от Нижнего Новгорода вниз по Волге почти до самого Каспия – и пешком вдоль берега и на чем попало по течению. Мне повезло тогда, летом 1959-го, быть рядом с другом.

Снова пробудились спозаранку
В шелесте рассветного огня

Две голубоглазых россиянки,
В колыбели нянчивших меня.
Сколько раз я слышал кривотолки:
Кто из них двоих – «перворека»?
...С борта лодки умываюсь Волгой,
Окликает, окая, Ока.
Скучен спор, и праздный, и банальный,
Знаю: с незапамятной поры
У меня две бабки повивальных
Две родных заботливых сестры.
Словно две крестьянские светелки,
Рубленные русскою рукой...
И ревниво подзывает Волга,
Если я аукаюсь с Окой.
Подшли к нижегородской круче,
С синевою единою в очах,
Две реки со мною неразлучны,
Как любимой руки на плечах.

Эту любовь к Волге, к родному городу Юра получил в наследство от отца и пронес через всю жизнь. И в студенческих фольклорных экспедициях, и на охоте, и во время творческих командировок на съемки телевизионных фильмов о нижегородской земле сын ощущал рядом с собой присутствие отца, сам становился на его место и смотрел на мир его глазами. По сути, вначале шел по отцовским следам, а потом сам вел отца по новым тропам.

Он любил, вставая спозаранку,
Росною, знакомою тропой
С неразлучной старенькой берданкой
Уходить в предутренний покой...
Только нет, на озере проточном
Вместе не пришлось встречать рассвет.
Нам прислала полевая почта
Этот страшный маленький пакет.
Я отца не помню. Только снова
Побродяжить в дальние места
Тянет непоседливость отцова,
Наша беспокойная черта...
Мама, мама, не смотри с заботой
И под нос тихонько не ворчи:
Дескать, зря не лазай по болотам
И случайно ног не промочи!
Не смотри ты так сердито, мама,
Помоги мне подогнать ремни.
Я пойду, опять пойду упрямо
На лесные дальние огни,
Чтоб в бору за мутноватой Волгой,
У сторожки с низеньким крыльцом,
Летней ночью долго, очень долго
Мысленно беседовать с отцом.

Можно сказать, что разговор с отцом мой друг вел всю жизнь. Отец и сын через время оставались собеседниками, и сын ощущал себя полпредом «батареи моего отца»!

...Где-то там, у мыса Херсонеса,
Что, как догоревший дом, чадил,
Морем от Большой земли отрезаны,
Вы остались даже без могил...
Вот они опять ко мне подходят
В выцветших тельняшных лоскутах:
«Парень, парень, ты не весел вроде –
Слюни распускаешь на губах!
Знаем, что один настырный дядя
Говорил заведомую ложь,
Что когда-то и чего-то ради
Ты Россию нашу подведешь,
Высыпал пригоршню замечаний,
Говорил, не поднимая глаз!..
Ты зачем хранил тогда молчанье –
В этот час стреляли, парень, в нас!»...
И по дряни сочной, ладно выбритой,
К нам пришедшей из иных времен,
Я стреляю,
Слышишь, напрочь выбитый,
Мертвый севастопольский заслон!
За мечту, за правду человечью
И за то, что создало меня,
Потому что в сердце бьется вечная
Искорка от Вечного огня!
Потому и говорю, не скроясь,
Подлецу от твоего лица,
Скорбь моя,
Непримиримость,
Совесьь –
Батарея моего отца!

22 июня 1942 года датировано последнее полученное от Андрея Васильевича письмо. О том, что случилось дальше, неизвестно.

Полевая почта доставила домой в Горький известие – пропал без вести.

...Шли годы. По-разному складывалась жизнь. Мы встречались далеко не каждый день, но телефонные контакты были, как правило, ежедневными; обычно они происходили часов с 7 до 8 утра, перед моим уходом на работу, и обязательно вечером перед информационной программой «Время». Юра называл это наше общение вечерней молитвой.

Телефон служил нам средством постоянного и долговременного общения. Он читал мне новые, только написанные стихи, и бывало так, что тут же по телефону я ему советовал что-то переделать и даже с ходу предлагал другие варианты той или иной строки. Он всегда был внимателен к моим советам, записывал или запоминал сказанное, и не раз случалось, что соглашался и вносил изменение в стихотворение. То же самое происходило, когда я читал ему по телефону что-то мной написанное и прислушивался к его правкам, которые он вносил в тот или иной мой текст.

У меня есть все Юрины прижизненные книги, и только на одной из них нет теплой дружеской надписи – на «Провинциальных Гомерах».

День выхода этой книги совпал с днем Юриного ухода. В последние годы жизни он очень много работал. Бывало, звонил по три-четыре раза в день и каждый раз читал только что написанные стихи. Продолжал пестовать главную книгу своей жизни – «Нижегородскую отчину», одновременно вынашивал и фрагментарно заносил на бумагу главы мемуаров «Память Дятловых гор», готовил к печати «Провинциальных Гомеров» и собирал антологию поэтов-земляков «Питомцы волжских берегов».

Кроме занятия литературным творчеством нас объединяло еще одно: мы были сыновьями фронтовиков. Наше раннее детство пришлось на лихое военное четырехлетие, а в первые школьные годы мы испытали слегка присахаренную горечь послевоенного быта. Через всю жизнь мы пронесли святое отношение к Великой Отечественной войне и ее воинам.

Каждый год 22 июня в четыре часа утра мы звонили друг другу. И обменивались звонками в памятные даты сражений и побед под Москвой, Сталинградом, прорыва блокады Ленинграда, разгрома фашистов на Курской дуге, освобождения наших, при жизни Адрианова зарубежных, святынь Севастополя, Одессы, и до сих пор заграничного моего родного Николаева...

Каждый год, начиная со второй половины апреля, мы перезванивались с Юрием по нескольку раз на дню. Темой разговоров было продвижение наших войск к Берлину в 1945 году. Первый разговор происходил 16 апреля – в день штурма Зееловских высот. Мы хорошо знали и помнили обо всех заключительных операциях войны. Одним из самых ярких событий, естественно, была встреча с американскими союзниками на Эльбе, которая произошла 25 апреля. Каждый новый день приближал нас к Великой Победе.

Вечером 30 апреля он звонил мне:

– Саша, они уже бегут на купол.

Пояснения о том, что это знаменосцы Егоров и Кантария, не требовалось. По тогдашним данным считалось, что Знамя Победы было водружено 30 апреля в 22 часа 45 минут.

Только весной 2005 года стало доподлинно известно, что на купол рейхстага сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария стали подниматься только глубокой ночью 1 мая и водрузили свой флаг в начале третьего часа. И было их не двое, а трое – возглавлял знаменосцев капитан Алексей Берест, замкомбата по политчасти, а Героя Союза он не получил, потому что Г.К. Жуков не любил политработников. Их флаг был к тому времени четвертым красным полотнищем, поднятым над рейхстагом. И остался единственным уцелевшим после того, как гитлеровцы стали обстреливать крышу своей же цитадели из дальнобойных орудий, чтобы сбить наши красные флаги.

– Значит, это все-таки единственное Знамя Победы, других нет! – подытожил Юра мое сообщение.

В кануны 9 мая, очередной годовщины Великой Победы, по телефону мы называли даты, наименования фронтов, частей и соединений, имена полководцев и солдат, пели песни военных лет. Человек со стороны, став свидетелем подобного общения двух весьма уже немолодых людей, мог принять нас за подвыпивших чудаков, но все это мы совершали на трезвую голову...

Помню, мы спели великую песню «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», и Юра сказал, что это сейчас самая печальная песня о вой-

не, потому что уже почти некому ждать ответа на этот вопрос, да и отвечать тоже почти некому...

Юра рассказывал и писал в «Нижегородской отчине», как летом 1965 года он вместе с мамой Екатериной Ивановной приехали в Севастополь искать следы мужа и отца. Долго ходили по городу. Устали, вечером пришли в гостиницу. А их не принимают: мест нет. Екатерина Ивановна в сердцах высказалась: «Пойдем, сынуля! Отец, обороняя этот город, голову сложил, а нам ночевать негде!»

И произошло чудо: администратор выскочил из-за стола, спросил маму, и все решилось в минуту.

По словам Юры, перед ними извинились. И поселили мать с сыном в люксы, и бесплатно!

Севастополь – город гибели отца был для моего друга вторым после Нижнего Новгорода святым местом на Земле. Я 9 мая 2014 года пришел на Юрину могилу и сказал ему, что Крым и Севастополь снова вернулись в Россию.

Мне казалось, что если это известие дойдет до него – он воскреснет!..

...22 июня 1962 года, через день после защиты дипломного сочинения в университете, мы с Юрой пришли первый раз на телевидение как штатные работники. Начиналась совсем другая жизнь. У Юры она продолжалась пять лет, так сказать, в штатном варианте, и все остальные годы он оставался востребованным на телевидении человеком и охотно откликался на просьбы об участии в той или иной программе. И в государственной телерадиокомпании (НТР), которая стала правопреемницей Горьковской студии телевидения и областного радио, всегда считали его своим человеком.

Я уговаривал Юру не уходить с работы «на вольные хлеба» в 1967 году. Но он уже был членом Союза писателей и считал, что может профессионально заниматься только литературным делом.

Работа на телевидении – это первая и, по сути, единственная штатная трудовая деятельность в его биографии. Ему пришлось окунуться в глубину обычной, повседневной жизни, от которой он до этого был далек, познакомиться с десятками, сотнями людей, самобытных и разнохарактерных, живущих в городах и сельской глубинке, с самими этими городами и селами, уникальными природными территориями. Из цикла его передач «Есть маленькие города в России» и «Горсть родной земли» потом сложилась его главная книга «Нижегородская отчина», ее появлению способствовали телевизионные фильмы по сценариям Адрианова «200 километров России», «Дорога на Китеж-град», «Я приток твой, Волга!».

До определенной поры критики и коллеги по писательскому цеху упрекали молодого поэта в «литературности», в том, что основу его творчества составляют обширная эрудиция, начитанность, переосмысление и пересказ того, что кем-то уже рассказано и написано. Приведу дружескую эпиграмму нашего однокурсника Валентина Герасимова на Юрины стихи о молодом художнике, а по сути, о самом себе, – «Ходил по земле мечтатель». Она звучала так: «Ходил по земле Адрианов по тропкам лесов и полей, где много красивых туманов, но вовсе нету людей...» Через пять лет телевизионной жизни все эти упреки сделались неуместными.

Рафинированный поэтический мальчик из центра города вырос за пять лет в опытного писателя и журналиста. Он взял от телевидения все, что мог взять полезного. Я допускаю, что Юра решил, что ему нужен уже другой опыт, другие средства воплощения своего таланта...

«На вечернем перепутье» – так Адрианов назвал свою книгу стихов, которая вышла в свет осенью 1993 года, когда на перепутье была вся Россия. Тревога автора прозвучала и в дарственной надписи: «Дорогому моему другу – Саше Цирульникову – эти последние строки последних месяцев нашего драматического времени. С надеждой и верой в добрую судьбу Отечества. Твой Юрий Адрианов».

...Шли годы «третьей русской смуты»
Сквозь злой газетный листопад.
А митинговые Малюты
Терзали души всем подряд.
Воззвания, словеса, реченья,
Рубили воздух кулаки,
Звал кто-то к сбору в ополченья,
А кто-то распускал полки...
Шли годы «третьей русской смуты»...
И в кузовах грузовиков
В последний путь из стен приютов
Везли безродных стариков.
Как пьяные, шатались слухи,
Шутить устали остряки,
И от обилия порнухи
Гноились книжные ларьки.

Сменялось золото – полудой,
Сменялись в партиях вожди.
Шли годы «третьей русской смуты»,
И мутные текли дожди.

Время сделало из поэта-лирика поэта-публициста. И это была не ломка, не насилие над собой, а логика самой жизни, которую Адрианов принимал и исповедовал. И случилось это задолго до 1990-х годов. Еще в конце 1950-х, когда прозвучало его «Слово о балладах».

В 1962 году Юрий с группой молодых писателей и журналистов, сформированной ЦК ВЛКСМ, съездил в Англию. В результате родился цикл «английских стихов». И в нем «Идут коммунисты!» Как-то в последние годы жизни Юрий в одном из интервью отмечал, что никогда не писал «партийных» стихов. Я позвонил ему и напомнил его же строки, ставшие благодаря композитору Анатолию Бурдову замечательной песней «Я волгарь-доброволец», написанной к 60-летию комсомола, и, конечно же, стихи «Идут коммунисты!»

Мы в Шеффилде шли по шахте –
Несколько русских парней,
И эхо устало ахало
В отблесках фонарей.
Как Данте мы шли сегодня
В кромешный угольный ад.
Бросали жильцы преисподней
Смертельно усталый взгляд.
Вдруг в мраке тревожно и быстро
Мастер начал шептать:
– Молчать! Идут коммунисты!
Идут коммунисты! Молчать!

...Стояли шахтеры, как вкопанные,
Послушные, словно юнцы.
И только глаза углекопов
Блестели, как антрацит.
Каску надвинув низко,
Мастер шептал опять:
– Молчать! Идут коммунисты!
Идут коммунисты! Молчать!

Тяжелую липкой массой
На лица ложился жар...
Вперед уносился мастер,
Как бильярдный шар.
Прикрикивал зло и броско
Темным теням людей...
Так уши матросов воском
Замазывал Одиссей.
О, рабское это молчанье,
О, слабость могучих рук!
Мы станем, эпоха, врачами,
Молчаний лечить недуг.
Чтоб злобе врагов неистовых
Ты, время, могло сказать:
– Молчать! Идут коммунисты!
Идут коммунисты! Молчать!..

Ей-богу, Юрию не надо было стесняться этих искренних и честных строк, опубликованных в его первой книге стихов. Я знаю, что он не выходил из КПСС и сохранил свой партбилет в начале 1990-х годов, когда многие демонстративно рвали с «коммунистическим прошлым».

И вообще я думаю, что речь здесь не о принадлежности к политической партии, а о принадлежности к России, к тому, как ее всегда – тогда и сейчас воспринимают на Западе, в той же Англии – боятся и ненавидят!

Уже 14 лет как мы живем без него, но рядом с его стихами и прозой, которые сейчас продолжают звучать актуально, как будто только что написаны.

При всей своей природной скромности он знал, что так и будет, потому что трезво оценивал свой дар и в те же «смутные» девяностые годы вроде бы шутил:

В нашем обществе эволюция,
Демократия и прогресс:
Конституция,
Проституция,
То чертенок,
То крупный бес.
А с художника –
Взятки гладки:
На мирской бардак погляжу –
И сворачиваю манатки,
И... в бессмертие ухожу.